

“Ночной дозор” – снова сенсация

Русская скульптурная экспансия в Голландии

Доводилось ли вам бродить внутри картины? Но только не сквозь компьютер, посредством “мышки” и сайта вводящий вас в виртуальный музей. А по-настоящему, своими ногами... Скорее всего, нет, если только вы не живете в Голландии, где недавно предстало в трехмерной версии знаменитое полотно Рембрандта “Ночной дозор”. Все его персонажи, ростом несколько выше человеческого, отлитые в бронзе, вновь собрались вместе – на площади перед королевским дворцом. Среди бравых стрелков XVII века можно свободно ходить, запросто брать того или иного за руку, с ними можно фотографироваться – из-за этого на маленькой и обычно пустынной площади в центре Гааги выросли очереди. Трудно припомнить что-либо подобное – где еще найдешь картину, не переписанную копиистом, а со всеми подробностями реконструированную в объеме? Да еще огромной группой: 27 участников – целая демонстрация! Чуть поодаль за порядком наблюдает сам Рембрандт, сидящий за мольбертом напротив своего творения... Так выглядит проект “Nachtwach 3D”, по счастью, доступный и нам – в Интернете.

Самое замечательное, что эту дерзкую и чрезвычайно эффектную акцию осуществили российские скульпторы – Михаил Дронов и Александр Таратынов. А прикинувшийся к ним Игорь Козлов придумал поставить напротив всей роты фигуру Рембрандта и вылепил его портрет. В итоге памятник картине и ее автору – теперь самый большой в Голландии, и открывала его королева Беатрикс собственной персоной. Есть у него еще одна нетрадиционная черта – поставлен он не навсегда, как заведено у монументов, а лишь на время. Хотя и не имеет он парусов, но достоин эпитета “летучий голландец”: поначалу расположился в замке города Маастрихт (на лужайке перед гостиницей, где в 1993 году заключен договор об объединении Европы, персонажи Рембрандта дожидались своих товарищей – их подвозили из Москвы по мере отливки). А после Нового года вся группа переедет из Гааги в Амстердам. Голландцы намерены взять

в аренду бронзовый “Ночной дозор” и украсить им город Рембрандта: его установят на площади, носящей имя великого художника. Кстати, в Амстердаме-то и хранится полотно “Выступление стрелковой роты капитана Франса Баннинга Кока и лейтенанта Виллема ван Рейтенбурга”. Написанный в 1642 году, свое легендарное название “Ночной дозор” холст получил в 1808 году из-за сильно потемневшего лака: лишь в середине XX века реставраторы обнаружили, что действие в картине происходит днем, а не ночью.

Монумент пришелся в Голландии весьма кстати – в 2006 году Рембрандту исполнится 400 лет. Правда, россияне свой проект начали гораздо раньше, совсем не к юбилейной дате, да и вообще на старте он более всего напоминал авантюру. Или образчик странного, нелогичного для трезвых окружающих поведения художника. На худой конец иллюстрацию к выдуманному еще французами термину “загадочная русская душа”. Во всяком случае, менеджер проекта нидерландец Питер Эккегард так и заявил репортерам: “С самого начала это была исключительно их собственная, сумасшедшая идея – вероятно, они потом не раз пожалели... Думаю, такая техника исполнения сейчас возможна только в России”.

Мы беседовали с инициатором необычного проекта Михаилом ДРОНОВЫМ в его мастерской вблизи Киноцентра. Обширный подвал заурядной пятиэтажки плотно заставлен скульптурой – как отлитой в бронзе и вырубленной из камня, так и той, что еще только возникает из глины, пластилина, гипса. Старые работы вперемежку с новыми, почти никем не виденными. Их автор вместе с коллегой, Игорем Козловым, придирчиво рассматривает фигуру Ассоль – совершенно не похожую на все прежние версии, ее предьявят публике только зимой... Среди метафорических композиций, то напоминающих сновидения, то пронизанных едкой иронией, – эскизы памятника Булату Окуджаве (увы, не Дронов победил тогда на конкурсе, его обобщенный образ шарманщика

проиграл конкретно-реалистическому портрету). Рядом отливки бронзовых торсов а-ля антик: фрагменты будущего цикла, который через год планируется показать в ООН. Замысел исходит от одноклассника Дронова, живущего в США Сергея Эйланбекова: он предложил совместно сделать бронзовые торсы, семь из которых в октябре были выставлены в Московском музее современного искусства – не как законченная композиция, а как “прелюдия проекта, рождающегося на ваших глазах”.

Проект “VII” (“Семь”) – своего рода манифест московской школы скульптуры: экспрессивная свободная пластика, где одним из важнейших аспектов работы является физическое прикосновение к создаваемой форме, навсегда сохраняющей следы рук автора. Методы и материалы – те же, что у скульпторов всех веков: глина, бронза, отливка вручную. Собственно, из-за бронзового литья С.Эйланбеков и прилетал из-за океана – ему хотелось поработать в материале, но в США это сложно. То ли дело в Москве, где в мастерской у его друга М.Дронова есть все необходимое, – семь больших вещей музейного уровня оказались готовы за пять дней. Как выясняется, это капля в море...

– Михаил Викторович, как возникла идея реконструировать картину в скульптуре и почему выбор пал на “Ночной дозор”? Конечно, Рембрандт – великий голландец, но чтобы туда пригласили именно скульпторов из России...

– Голландцы никого и не приглашали. Это целиком наша идея. И русская экспансия... А история такова: в один прекрасный вечер я приехал к другу детства скульптору Таратынову (с ним мы учились в художественной школе, потом в институте, сейчас он живет в Нидерландах), а у него в мастерской во всю стену – репродукция “Ночного дозора”. Я сказал: “Саша, давай вылепим “Ночной дозор”. Саша сказал: “Давай”. Мы вылепили.

– Но это же колоссальная работа! Если даже отбросить затраты на материал, литье и прочее.

– Да, все шло на чистом энтузиазме и за свои деньги. Конечно, мы ста-

ли бегать, искать, кто бы нам помог. Обращались в Министерство культуры (это уже когда половина работы была выполнена). Никто не помог ни с перевозкой, ни с литьем. Лепили все здесь, в Москве, отливали – тоже. Правда, несколько фигур отлили в Бельгии, там подороже, но и качество получше.

– Как видно, не нашлось и меценатов. И сколько же, позволите спросить, все это стоило?

– Ну... до черта. А сколько именно, даже не знаю. Семьи не голодают, но, конечно, ропацт. Откуда мы брали средства? Повезло – сразу десятка три моих работ купил некий клуб, вот эти деньги я и пустил на Рембрандта. Нет, чтобы дачку купить...

– Сколько времени шла работа? – Не так уж и долго – с 2002 года. Три года назад мы начали, тут же зарегистрировали свое “изобретение” в Москве, в Агентстве авторских прав, и в Вашингтоне – копирайт. На всякий случай.

– Вы много лет работали в манере достаточно условной, иносказательной, по стилистике ваши композиции были скорее близки сюрреализму, и вдруг – такой открытый натурализм пластики. Что стоит за этим “реализмом” – поиски нового стиля или вынужденный шаг?

– Захотелось. Хочу так, хочу эдак. И все! Главное, Рембрандт нарисовал все детали на первом плане настолько подробно, что куда не денешься. Вот и мы шли за ним – аккуратно, подробно. Немного добавили – сделали даже натюрморт голландский, хотя его нет в картине: вот от него рюмка и лимон... Думаю, сейчас эта идея пойдет в народ. Появятся “Бурлаки на Волге” и так далее – и это неплохо.

– Правда, в случае “Ночного дозора” говорить о реализме можно только с большой натяжкой – речь идет о пластической инсценировке произведения, уже созданного другим художником. Идея – явно из арсенала постмодернизма...

– Мне тоже так кажется. Но этого почти никто не видит. Кругом говорят – повторили, повторили, но ведь тут другая идея.

– У вас получилась по-настоящему современная композиция – интерактивная. Некий театр скульптуры, действие происходит в условном пространстве...

– Да, конечно. Там и ходить можно внутри – все фигуры стоят свободно, каждая на отдельной подставке и на небольшом расстоянии от других. Можно и смотреть со стены, как из зрительного зала...

– Что видят голландцы в этом памятнике – произведение “высокого” искусства или все же аттракцион?

– Да, скорее, конечно, для них это аттракцион. Но я бы и сам в детстве не отказался вот так же погулять внутри картины... Куча народу ходит, по выходным столы накрывают горожанам. И туристы приезжают автобусами, и королева из окошечка смотрит.

– Самой-то королеве Беатрикс памятник понравился?

– Нет, она не поклонница реализма. Зато с моей выставки она купила для своей коллекции работу в иной манере – “Похмелье”.

– А как восприняли происходящее художники-голландцы?

– Вполне негативно. Появились конкуренты, а они не нужны! В одной из местных газет была мелкая истерика. Как же, въехал в центр города огромный трейлер в сопровождении полицейских с мигалками, разгрузка была веселая, потом устроили церемонию... Простому народу нравится – экзотика, едут даже из других стран.

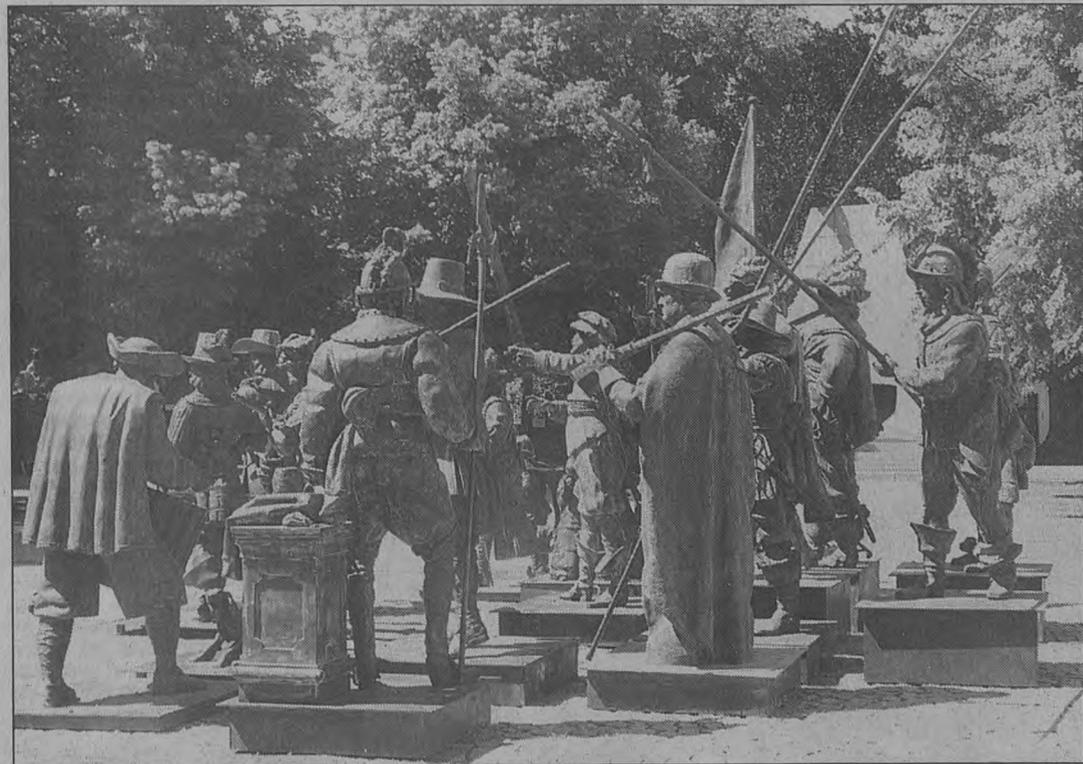
– Похоже на тенденцию – скульпторы из России, куда в XVIII веке западные мастера завезли основы европейской пластики, ныне ставят памятники по всей Европе: Леонид Баранов – Достоевскому в Баден-Бадене, Дмитрий Тугаринов – Суворову в Альпах...

– Есть веские причины: на Западе разучились как следует лепить. Там делают скульптуру из проволочек, хотя хорошо умеют работать с пространством. Но не с материалом – морю сколько! Вот и выходит, самое дорогое хобби после яхт – скульптура. Если же говорить серьезно, то в XX веке славилась две школы пластики – российская и немецкая. В Германии традиция ныне тоже утрачена, осталась Россия.

– А сейчас, по вашим ощущениям, наша скульптура куда движется? Если вообще она куда-то движется...

– Двигается куда-то, но не очень. По правде, я в замешательстве... Посмотрите, на литейном заводе города Жуковского, где за последние пять лет отлили много заказных работ хорошие художники – Рукавишников, Переяславец, Балашов и другие, – все как будто один человек вылепил. В стилистике фигур Манизера на станции метро “Площадь Революции”. К большому сожалению, все силы у художников отбирают заказы, но это всегда было – кто шлепал Ленина, кто неизвестных солдат, кто детские площадки. И сил у людей ни на что иное не хватает, и многие признаются – надо преодолевать себя. А кто-то как заведенный трудится и трудится, выставляется – только чтобы не забыли!

Елена ТИТАРЕНКО

“Ночной дозор”

ДОСЬЕ

Михаил ДРОНОВ родился в Москве в 1956 году, интерес к профессии впитал от родителей-скульпторов и их друзей-шестидесятников. Прошел серьезную классическую школу Московского художественного института имени В.И.Сурикова, который окончил в 1980 году по факультету скульптуры (в мастерской профессора Михаила Бабурина). Награды не замедлили найти нашего героя: серебряная медаль ВДНХ СССР, первая премия Квадрианале скульптуры-1988 в Риге, диплом “Лучшая работа МОСХа”, серебряная медаль Академии художеств России. Произведения М.Дронова охотно закупили Третьяковская галерея и Русский музей, различные музеи России, Украины, Грузии, Казахстана, Латвии и Германии, а также частные собиратели России, Западной Европы и США. Член-корреспондент Российской академии художеств, участник множества выставок, персональных и коллективных, в том числе в Лондоне, Милане, Нью-Йорке, Чикаго, Амстердаме, Гааге. В марте будущего года, ближе к своему 50-летию, М.Дронов планирует персональную выставку в РАХ, но прежде примет участие в большой групповой выставке в ЦДХ, которую зимой организует Иван Лубенников.